

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing. The woman has long, wavy red hair and is wearing a green dress. The man has dark hair and is wearing a dark suit. They are standing in front of a large window that looks out onto a city skyline at night, with many lights visible. The overall mood is romantic and intimate.

Я пьшишка.
Люби меня
настоящую.

Яна Дмитриева

Яна Дмитриева

Я пышка. Люби меня настоящую

«Автор»

2026

Дмитриева Я.

Я пышка. Люби меня настоящую / Я. Дмитриева — «Автор»,
2026

Говорят, каждой девушке однажды встретится прекрасный принц. Только никто не предупреждает, что иногда у принца бывают секреты. И весьма дорогие. У меня было всё: богатый отец, роскошная квартира, свадьба мечты и жених, которому завидовали подруги. Ну и лишние килограммы, конечно. Хотя, если верить моему жениху, именно они были главной проблемой в нашей идеальной жизни. Я почти поверила, что для счастья мне нужно стать немного стройнее, немного тише и гораздо удобнее. А потом пришло одно сообщение. Всего несколько слов, после которых я впервые задумалась: а что, если человек, за которого я собираюсь замуж, совсем не тот, кем кажется? Теперь мне предстоит узнать, чего на самом деле стоит любовь. И почему иногда самый опасный обман начинается со слов «Я хочу для тебя только лучшего». Ведь у каждой сказки есть обратная сторона. И мой принц очень не хотел, чтобы я её увидела.

© Дмитриева Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Принц оказался с ценником	5
Глава 2. Платье, которое должно стройнить	12
Глава 3. Ужин с будущими родственниками	18
Глава 4. Первый снимок	23
Глава 5. Карина Афанасьева	28
Г	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Яна Дмитриева

Я пышка. Люби меня настоящую

Глава 1. Принц оказался с ценником

Если очень долго ждать принца, есть риск дожидаться мужчину, который просто хорошо сидит в костюме.

Сказки, конечно, об этом предупреждать не любят. Там всё заканчивается поцелуем, белым платьем и хрустальной уверенностью, что дальше люди живут счастливо, богато и почему-то без ипотеки, целлюлита и семейных ужинов с отцами-миллиардерами.

В моей сказке до свадьбы оставался месяц.

Месяц до белого платья.

Месяц до смены фамилии.

Месяц до того, как я официально стану Ксенией Громовой и, по мнению половины знакомых, наконец-то «устрою личную жизнь».

Формулировка прекрасная. Будто личная жизнь — это шкаф из IKEA: главное, чтобы кто-нибудь с инструкцией пришёл и собрал.

— Ксюш, ты опять стоишь как вопросительный знак, — сказал Валера.

Он смотрел не на меня. На своё отражение в панорамном окне.

За панорамным окном мерцал вечерний город. Гостиная в моей, как я тогда думала, квартире выглядела идеально: светлые стены, мягкий диван, высокий потолок, слишком правильные вазы, которые дизайнер назвал «акцентными». Я до сих пор считала, что акцент у них один: «у вашего отца много денег».

Валера поправлял манжету.

Синий костюм сидел на нём безупречно. На таких мужчинах вообще всё сидит безупречно: костюмы, улыбки, чужие ожидания. Он входил в помещение с уверенностью человека, которому всегда рады.

Я стояла рядом в светлом платье.

Не свадебном. Просто «для ужина с папой». Хотя в моём мире ужин с папой иногда требовал больше подготовки, чем собеседование в совет директоров.

— Я нормально стою, — сказала я.

— Ты сутулишься.

— Я думаю.

— Когда ты думаешь, ты сутулишься.

— Значит, у меня интеллектуальная осанка.

Он наконец посмотрел на меня. Быстро. Сверху вниз. Не так, чтобы я могла предъявить претензию, но достаточно, чтобы я почувствовала, как внутри привычно сжалось всё лишнее. А лишним во мне, если верить миру, было почти всё ниже подбородка.

— Не начинай, — сказал Валера.

— Я ещё даже не успела раскрыть талант.

— Ксюша.

Вот это «Ксюша» у него было особенным. Не имя, а маленький поводок. С мягкой интонацией, чтобы со стороны выглядело как забота.

Он подошёл ближе и двумя пальцами поправил вырез моего платья. Слишком деликатно, чтобы назвать это грубостью. Слишком деловито, чтобы принять за нежность.

— Так лучше, — произнёс он.

— Что именно лучше?

— Сдержаннее.

Сдержаннее.

Хорошее слово. Из той же коллекции, что «элегантнее», «женственнее», «полегче» и моё любимое — «тебе так больше идёт». Обычно это означало: меньше груди, меньше бёдер, меньше голоса, меньше меня.

Я посмотрела на наше отражение в окне.

Он — высокий, тёмноволосый, уверенный, с лицом человека, который родился в правильной рубашке.

Я — рыжая, мягкая, круглая в тех местах, где модные журналы советуют быть «подтянутой», и слишком живая для квартиры, где даже подушки лежали с корпоративной дисциплиной.

— Ты нервничаешь? — спросила я.

— Нет.

— А выглядишь так, будто сейчас идёшь не на ужин, а покупать завод.

— С твоим отцом иногда разница небольшая.

Он улыбнулся, и улыбка получилась почти настоящей. Почти — это вообще было любимое состояние наших отношений. Он почти был внимательным. Почти нежным. Почти влюблённым.

Я почти верила.

На кухонном острове завибрировал его телефон.

Валера взял его слишком быстро.

Я заметила это краем глаза: как мгновенно изменилась ладонь, как экран ушёл чуть в сторону, как лицо стало гладким. Не испуганным. Нет. Валера не пугался. Он просто закрывался.

— Работа? — спросила я.

— Да.

— В семь вечера?

— Мир бизнеса, Ксения, жесток и не ждёт, пока невеста досмотрит сериал.

— Я не смотрю сериал.

— Тем более. Значит, страдает зря.

Он заблокировал экран и положил телефон во внутренний карман пиджака.

Раньше я бы не обратила внимания. Или сделала бы вид, что не обратила. Это разные вещи, но во втором случае можно дольше считать себя счастливой.

— Кто пишет? — спросила я.

— Ксюша.

Снова поводок.

— Что?

— Не надо этого.

— Чего?

— Проверок. Мы через месяц женимся.

Я рассмеялась.

— Прекрасный аргумент. После свадьбы, видимо, вопросы автоматически становятся незаконными?

— После свадьбы люди начинают доверять друг другу.

— А до свадьбы тренируются молчать?

Он коротко выдохнул, с трудом сохраняя терпение.

— Ты сегодня колючая.

— Это платье. Оно меня вдохновляет.

На самом деле вдохновлял меня не наряд, а ощущение, что где-то в стене появилась тонкая трещина. Не видно, не слышно, но палец уже цепляется.

Валера подошёл ко мне сзади и положил руки на плечи. В зеркальном окне мы снова стали парой. Красивой, подходящей, удобной для фотографий. Такие пары любят ставить на обложки деловых журналов рядом с заголовком «Новая семейная стратегия».

— Всё будет хорошо, — сказал он.

— У нас или у тебя?

Он замер на долю секунды.

— У нас, конечно.

Конечно.

Слово, которое ничего не доказывает, но очень старается.

Ужин с отцом проходил в ресторане, где официанты двигались так бесшумно, будто их обучали в разведке.

Александр Сергеевич Воронцов уже сидел за столом, когда мы приехали. Мой отец не опаздывал. Он даже приходил заранее так, будто время подписало с ним договор о лояльности.

Седые волосы, строгий костюм, взгляд, который мог заставить финансовый отчёт признаться в ошибках.

— Ксения, — сказал он, когда я подошла.

Не «дочка». Не «Ксюша». Отец называл меня полным именем, как юридическое лицо.

— Пап.

Он поцеловал меня в щёку. Сдержанно. Без лишней нежности, чтобы никто случайно не заподозрил нас в семейных отношениях.

Валера пожал ему руку.

— Александр Сергеевич.

— Валерий.

Они произнесли имена друг друга с уважением людей, которые мысленно уже оценили баланс сил и остались недовольны только тем, что нельзя сразу перейти к цифрам.

Мы сели.

Я заказала воду. Валера — стейк. Отец — рыбу и разговор, от которого у нормального человека испортился бы аппетит.

— Как подготовка? — спросил он.

Я уже открыла рот, чтобы сказать что-нибудь про флористов, гостей и то, что свадебный организатор вчера предложила нам живых голубей, за что заслужила пожизненный запрет на фантазию.

Но отец смотрел на Валеру.

— Всё идёт по плану, — ответил Валера.

Конечно. Свадьба же, как известно, существует для того, чтобы мужчины обсуждали логику, пока невеста декоративно дышит рядом.

— Бюджет? — уточнил отец.

— В рамках согласованного.

— Список гостей?

— Финализируем.

Я подняла бокал с водой.

— Если что, я тоже здесь. Это я в белом буду стоять у алтаря, для справки.

Отец перевёл взгляд на меня.

— Ты хотела что-то добавить?

— Да. Голубей не будет.

Валера тихо кашлянул.

— Мы это уже решили.

— Я решила. Вы оба, насколько помню, в этот момент обсуждали, какой из партнёров папы обидится, если посадить его дальше третьего ряда.

Отец чуть приподнял бровь. У него это заменяло улыбку, удивление и иногда сердечный приступ.

— Партнёры обижаются дорого, — сказал он.

— А голуби гадят бесплатно. Но всё равно нет.

Валера положил ладонь на мою руку.

Снаружи — нежность.

Под столом — давление.

— Ксения шутит, — сказал он.

Я посмотрела на его пальцы.

— Не всегда.

Официант принёс закуски, и несколько минут мы делали вид, что умеем быть семьёй. Отец спрашивал о подготовке к свадьбе ровно столько, сколько требовал протокол, потом неизбежно перешёл к работе.

— Логистическое направление сейчас в слабой позиции, — сказал он Валере. — После слияния понадобится человек, который умеет не только считать, но и держать людей.

Валера чуть подался вперёд.

Вот теперь он был по-настоящему живым.

— Я смотрел показатели, — сказал он. — Проблема не только в людях. Там устаревшая система контроля поставок. Если внедрить новую аналитику, можно сократить потери на семь-восемь процентов за первые полгода.

Отец слушал внимательно.

Я — тоже.

Не потому, что мне было интересно. А потому, что Валера в такие моменты становился другим. Точнее, настоящим. Он говорил с отцом не как будущий зять, а как человек, который видит перед собой лестницу и уже считает ступени.

— Амбициозно, — сказал отец.

— Реалистично.

— Ты уверен, что справишься?

— Да.

Ни паузы. Ни сомнения.

Я вдруг вспомнила, как неделю назад спросила его, хочет ли он маленькую свадьбу или большую. Он ответил: «Как будет правильно». Не «как мы хотим». Правильно.

Валера вообще любил правильные решения.

Правильный костюм.

Правильный ресторан.

Правильная невеста.

Я попыталась не продолжать эту мысль.

— Ксюша, — отец неожиданно повернулся ко мне, — ты согласна?

— С чем именно? С сокращением потерь или с тем, что мой жених уже мысленно занял кабинет?

Валера напрягся.

Отец, кажется, почти развеселился. Для него это выглядело как лёгкое изменение температуры взгляда.

— С тем, чтобы Валерий после свадьбы вошёл в управление направлением.

Вот оно.

Фраза упала между нами аккуратно, как дорогой нож на белую скатерть.

После свадьбы.

Не «если». Не «когда будет готов». После.

Свадьба как пропуск. Я как турникет с фатой.

— А моё согласие здесь имеет значение? — спросила я.

Отец посмотрел на меня внимательно.

— Я потому и спрашиваю.

Валера улыбнулся. Мягко. Правильно.

— Ксюш, мы же это обсуждали.

Мы это не обсуждали.

Он говорил. Я слушала. Это в его системе, видимо, считалось диалогом.

— Напомни, — сказала я.

Под столом его пальцы снова сжали мою руку. На этот раз сильнее.

— Я говорил, что хочу быть полезен семье.

Семье.

Удобное слово. В него можно завернуть любовь, деньги, должность и чужую дочь — как шаурму премиум-класса.

— Полезен, — повторила я.

— Да.

— Папиному холдингу или мне?

Тишина стала такой чистой, что в ней было слышно, как официант у соседнего столика наливает вино.

Валера смотрел на меня всё той же улыбкой, но глаза похолодели.

— Это странный вопрос.

— Мне тоже так показалось. Но он почему-то сам вышел.

Отец отложил вилку.

— Ксения.

В его голосе было предупреждение.

Не семейное. Стратегическое.

Я сделала глоток воды. Ледяной. Очень кстати.

— Я согласна, — сказала я.

Валера расслабился первым.

И вот это мне не понравилось больше всего.

Отец кивнул, будто поставил галочку.

Дальше ужин пошёл ровнее. Валера говорил о планах. Отец задавал вопросы. Я вставляла комментарии, когда становилось совсем скучно или слишком похоже на заседание.

Через час отец уехал первым.

Перед уходом он задержал меня у гардероба.

— Ты сегодня раздражена.

— А ты сегодня наблюдателен.

— Не ерничай.

— Это не ерничанье. Это семейная традиция, просто у тебя версия без юмора.

Он посмотрел на Валеру, который в нескольких метрах говорил по телефону.

— Ты уверена?

Вопрос был тихий.

И от этого опасный.

— В чём?

— В нём.

Я могла бы ответить быстро. Невесты должны отвечать быстро. «Конечно», «люблю», «он замечательный», «пап, не начинай».

Но я почему-то замолчала.

Валера смеялся в трубку. Недолго, приглушённо. Так он со мной почти не смеялся.

— Я выхожу замуж через месяц, — сказала я.

— Это не ответ.

— Зато факт.

Отец застегнул пальто.

— Факты иногда спасают от иллюзий. Иногда наоборот.

— Спасибо за тост. Жаль, шампанское уже унесли.

Он не улыбнулся.

— Если передумаешь, скажи до того, как это станет проблемой юристов.

— Очень трогательно, пап. Почти открытка.

— Я серьёзно.

— Я знаю.

Он уехал.

Я осталась в холле и смотрела, как Валера заканчивает разговор.

Когда он подошёл, лицо у него снова было привычным. Красивым. Спокойным.

— Что хотел твой отец?

— Спросил, уверена ли я.

— В чём?

— В тебе.

Валера усмехнулся.

— Он всегда проверяет.

— И?

— И правильно делает. У него дорогая дочь.

Я посмотрела на него.

— Дорогая?

— В смысле ценная.

— Это прозвучало лучше. Не идеально, но уже без ценника на лбу.

Он устало провёл рукой по волосам.

— Ты сегодня цепляешься к каждому слову.

— Может, слова просто острые.

— Может, ты боишься.

Вот это было неожиданно точно.

Я действительно боялась.

Только не свадьбы. Не отца. Не того, что Валера войдёт в холдинг.

Я боялась, что однажды проснусь рядом с человеком, который выбрал не меня, а всё, что идёт в комплекте.

Квартира.

Фамилия.

Доля.

Доступ.

Я, как обычно, где-то между пунктами договора. Мелким шрифтом, но с красивыми волосами.

— Все невесты боятся, — сказала я.

— Вот именно. Не драматизируй.

Он поцеловал меня в висок.

Поцелуй был быстрый, сухой, почти служебный.

На обратном пути мы ехали молча.

Валера отвечал на сообщения. Я смотрела в окно и пыталась поймать в отражении своё лицо. Получалось плохо: город накладывался на меня огнями, делал из глаз чужие витрины.

Дома он сразу пошёл в душ.

Мой телефон остался на комод в прихожей: я бросила его туда ещё до ужина, чтобы не проверять сообщения каждые три минуты и делать вид, что у меня есть взрослая выдержка.

Выдержка, конечно, оказалась декоративной.

Экран просто загорелся.

Сообщение пришло без звука.

Имя отправителя было скрыто. Только уведомление:

«Ты правда думаешь, что знаешь своего жениха?»

Я стояла в прихожей босиком, в дорогом платье, которое уже казалось чужой кожей, и смотрела на эту строчку.

Сообщение было адресовано мне.

Но почему-то ударило так, будто кто-то открыл дверь не в мою переписку, а в чужую комнату, где Валера уже давно жил без меня.

В ванной шумела вода.

Город за окнами продолжал сиять, как будто ничего не произошло.

А я вдруг поняла: сказки заканчиваются свадьбой не потому, что дальше всё хорошо.

Просто дальше начинается часть, которую детям лучше не читать.

Глава 2. Платье, которое должно стройнить

В свадебном салоне пахло розами, шампанским и отчаянием женщин, которые уже внесли предоплату.

Я сидела на бархатном пуфе в центре примерочной зоны и смотрела на ряд белых платьев. Они висели вдоль стены, как молчаливые невесты, которым повезло больше: у них не было ни родственников, ни комплексов, ни будущего мужа с телефоном, который загорается подозрительными сообщениями.

— Вот это, — сказала администратор салона, вытаскивая очередное облако тюля. — Очень хорошо моделирует силуэт.

Я уже знала: если платье «моделирует силуэт», значит, в переводе с bridal на человеческий это «прячет то, что мы все заметили, но делаем вид, что нет».

— А есть вариант, который не ведёт со мной войну? — спросила я.

Администратор моргнула.

— В каком смысле?

— Ну, чтобы платье не пыталось победить моё тело. Мы с ним в целом давно знакомы, я бы предпочла мирные переговоры.

Мила, сидевшая рядом с бокалом шампанского, подавилась смешком.

— Запишите, — сказала она. — Невеста требует платье с дипломатическим иммунитетом.

Администратор улыбнулась так, как улыбаются люди, которым нельзя потерять клиента, потому что клиент стоит примерно как подержанный автомобиль.

— Конечно. У нас есть разные фасоны. Просто для вашей фигуры...

Она осеклась.

Я подняла бровь.

— Продолжайте. Я люблю, когда люди идут по минному полю с букетом.

Мила поставила бокал.

— Для её фигуры, — сказала она сладко, — нужно платье, в котором она будет выглядеть как женщина, а не как секретный объект под чехлом.

Администратор быстро закивала.

— Да-да, именно. Я сейчас принесу ещё несколько вариантов.

Она исчезла за ширмой, оставив после себя лёгкое облако парфюма и неловкости.

Мила повернулась ко мне.

— Ты уверена, что хочешь именно здесь?

— У них хороший выбор.

— У них хорошие зеркала. Это разные вещи.

Я посмотрела на себя.

На мне было первое платье: плотный корсет, узкая талия, пышная юбка. В зеркале я выглядела как женщина, которую попытались упаковать в традицию и слегка перетянули.

— Мне кажется, я в нём не дышу.

— Это не минус. В некоторых браках дыхание всё равно не предусмотрено.

— Мила.

— Что? Я просто поддерживаю тематику.

Я улыбнулась. С ней всегда было легче. Мила умела говорить неприятную правду. Иногда грубо, зато без фальши.

Она была моей подругой с университета. В отличие от большинства людей из моего круга, она не пыталась дружить с моей фамилией. Однажды на втором курсе она сказала: «Ксюш, ты хорошая, но если ещё раз извинишься за то, что заняла место на диване, я привяжу тебя к

батареи и буду читать лекцию о правах человека». После этого я почему-то решила, что нам по пути.

— Валера сегодня придёт? — спросила она.

— Должен.

— На примерку?

— Он сказал, что хочет «понимать общий визуальный стиль».

Мила закрыла глаза.

— Господи. У него даже романтика звучит как презентация для акционеров.

— Не начинай.

— Я ещё даже не размялась.

Администратор вернулась с тремя платьями. За ней, как идеально организованная угроза, вошла Светлана Викторовна — мать Валеры.

Я поняла это не сразу. Сначала в зеркале появилась высокая женщина в бежевом костюме, с аккуратной укладкой и лицом, на котором было написано: «Я не осуждаю, я просто знаю лучше».

— Ксения, дорогая, — сказала она. — Надеюсь, я не опоздала.

Не опоздала. Вмешательство прибыло строго по расписанию.

— Светлана Викторовна, — я поднялась. Корсет напомнил мне, что свобода переоценена.

Она поцеловала воздух рядом с моей щекой.

— Валера попросил меня заехать. У него срочная встреча.

Конечно.

Мила рядом издала звук, который можно было принять за кашель, если очень любить людей.

— Как жаль, — сказала я. — Он так хотел понимать визуальный стиль.

— Мужчины в этом мало что понимают, — улыбнулась Светлана Викторовна. — Зато мы с вами выберем что-то подходящее.

Подходящее.

Я уже ненавидела это слово.

Следующие сорок минут превратились в тихую пытку под органзу.

Платье номер два «делало линию плеч легче», что на языке Светланы Викторовны означало: «у тебя грудь, и это почему-то семейная проблема».

Платье номер три «собирало талию», словно моя талия была непослушным школьником.

Платье номер четыре «не акцентировало бёдра». Я даже расстроилась. Бёдра, между прочим, всю жизнь старались, а их опять не акцентировали.

— Вот это, по-моему, удачное, — сказала Светлана Викторовна, когда меня затянули в гладкое платье с длинными рукавами и высоким горлом.

Я посмотрела в зеркало.

Передо мной стояла состоятельная вдова свечного магната.

— Очень благородно, — добавила она.

— Мне тридцать, а не сто сорок, — сказала я.

Мила отвернулась к окну.

Плечи у неё тряслись.

Светлана Викторовна сделала вид, что не услышала.

— Ксения, вы же понимаете: свадьба будет серьёзная. Много деловых людей. Нужен образ... достойный.

— Достойный чего?

— Вашего положения.

— А моего вкуса?

Она улыбнулась ещё мягче. Чем мягче она улыбалась, тем сильнее хотелось вызвать эвакуатор для её мнения.

— Вкус формируется.

— Прекрасно. У меня ещё есть месяц.

Администратор, кажется, пыталась слиться с портьерой.

Телефон в моей сумке завибрировал.

Я попросила минуту, вышла за ширму и достала его.

Сообщение было от Валеры:

«Не смогу приехать. Деловая встреча. Доверься маме, у неё хороший вкус».

Я посмотрела на себя в зеркале за ширмой.

Высокий воротник. Длинные рукава. Белая ткань от подбородка до пола. Ещё немного, и можно было венчаться с налоговой инспекцией.

Я напечатала:

«Твоя мама хочет выдать меня замуж за старинный шкаф».

Ответ пришёл через минуту:

«Ксюш, не капризничай. Просто выбери то, что будет смотреться прилично».

Прилично.

Вот он, главный свадебный стиль.

Я вернулась к зеркалу.

— Ну? — спросила Светлана Викторовна.

— Нет.

Она замерла.

— Почему?

— Потому что я в этом платье выгляжу так, будто меня наказали за грудь.

Мила громко закашлялась.

Администратор уронила вешалку.

Светлана Викторовна медленно вдохнула.

— Ксения, я пытаюсь помочь.

— Я понимаю. Но помощь, которая начинается с того, что меня нужно спрятать, как-то не очень похожа на помощь.

В её взгляде мелькнуло раздражение. Настоящее. Быстрое.

— Вы слишком остро реагируете.

— У меня корсет. Всё остро.

Она поджала губы.

И тут администратор, видимо, решив спасти продажу, принесла платье, которое до этого почему-то прятала.

Оно было простым.

Гладкий лиф, открытые плечи, мягкая юбка, тяжёлый шёлк вместо истеричного тюля. Платье не пыталось сделать вид, что меня меньше. Оно просто ложилось по фигуре так, будто фигура не была ошибкой.

Я молча взяла его.

Когда вышла из примерочной, Мила перестала улыбаться.

— Вот, — сказала она тихо. — Вот это ты.

Я посмотрела в зеркало.

И впервые за день не захотела отступить на шаг.

Да, была грудь.

Да, были бёдра.

Да, талия не собиралась превращаться в рекламный миф.

Но я выглядела не «стройнее». Не «удачнее». Не «приличнее».

Я выглядела собой.

Это почему-то оказалось самым неприличным вариантом.

— Слишком открыто, — сказала Светлана Викторовна.

Я всё ещё смотрела в зеркало.

— Для кого?

— Для такой церемонии.

— Для такой церемонии я вроде как главная женщина в белом. Логично, что меня будет видно.

— Валере может не понравиться.

Вот оно.

Не «тебе не нравится». Не «ты некомфортно себя чувствуешь». Валере.

Я медленно повернулась к ней.

— Тогда Валера может жениться на платье с рукавами. Оно, кстати, уже готово к ком-промиссам.

Мила фыркнула.

Светлана Викторовна побледнела от культурного шока.

Я почувствовала облегчение. Я не победила Светлану Викторовну — просто выбрала платье сама и не стала за это извиняться.

— Беру это, — сказала я администратору.

— Отличный выбор, — быстро ответила та, и по лицу было видно: она готова была назвать отличным даже мешок из-под картошки, лишь бы мы уже перестали обсуждать бёдра.

Светлана Викторовна вышла первой. Сухо попрощалась, обещала «поговорить с Валерой» и исчезла с достоинством женщины, чьё мнение не купили вместе с платьем.

Мы с Милой остались вдвоём.

— Ну что, — сказала она, — поздравляю. Ты только что совершила маленькую революцию в свадебном бельэтаже.

— Революция будет, когда я скажу Валере.

— А что он сделает?

— Скажет, что я капризная.

— Ты и есть капризная. Просто иногда каприз — это другое название для позвоночника.

Я села на пуф и вдруг почувствовала усталость.

Мила заметила сразу.

— Эй. Что?

— Не знаю.

— Знаешь.

Я посмотрела на закрытую дверь, за которой исчезла будущая свекровь.

— Иногда мне кажется, что все вокруг готовятся не к моей свадьбе, а к презентации удачной сделки.

Мила молчала. Она умела не перебивать в нужных местах, хотя в обычной жизни считала паузы личным оскорблением.

— Папа смотрит на Валеру как на кадровое решение. Валера смотрит на папу как на карьерный лифт. Его мама смотрит на меня как на задачу по коррекции силуэта. А я где-то между фатой и логистикой.

— А Валера? — спросила Мила. — Он как на тебя смотрит?

Я хотела ответить.

Очень хотела.

Но в голове почему-то всплыл его телефон. Скрытое уведомление. Фраза на экране.

«Ты правда думаешь, что знаешь своего жениха?»

— По-разному, — сказала я.

— Это плохой ответ.

— Зато честный.

Мила наклонилась ближе.

— Ксюш, я сейчас спрошу, а ты не шути.

— Невозможно. У меня медицинские показания.

— Ты его любишь?

Вот такие вопросы надо задавать людям только после письменного согласия.

Я провела пальцами по шёлку платья.

— Я выбрала его.

— Это не одно и то же.

— Иногда взрослые люди выбирают, а любовь потом догоняет.

— А если не догонит?

Я улыбнулась.

— Значит, у неё плохая физподготовка.

Мила не улыбнулась в ответ.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Но это было неправдой.

Правда сидела где-то под рёбрами и тихо стучала пальцем по стеклу.

Вечером Валера приехал поздно.

Я показала ему фото платья.

Он смотрел на экран дольше, чем нужно.

— Красиво, — сказал наконец.

Я выдохнула.

— Правда?

— Да. Просто...

Ну конечно.

После «просто» всегда начинается бесплатная консультация по тому, как тебе стать удоб-
нее.

— Что?

— Оно довольно открыто.

— У меня есть плечи. Я решила не скрывать эту сенсацию.

— Ксюша.

— Валера.

Он устало сел на диван.

— Я не хочу спорить. Просто на свадьбе будет много людей. Фотографии. Пресса, воз-
можно.

— И?

— И тебе должно быть комфортно.

— Мне комфортно.

— Сейчас. А потом ты сама начнёшь переживать, как выглядишь на снимках.

Это было сказано мягко.

Почти заботливо.

И именно поэтому больно.

Он напомнил о моём старом страхе — и я уже почти начала сомневаться в себе.

— Я переживу, — сказала я.

— Я просто хочу, чтобы ты была уверена.

— Тогда не говори со мной так, будто я уже должна сомневаться.

Он поднял глаза.

— Ты опять всё переворачиваешь.

— Нет. Я просто впервые не складываюсь пополам.

Он не понял.

Или понял слишком хорошо.

Телефон в его руке завибрировал.

Он посмотрел на экран и сразу перевернул его.

На этот раз я заметила.

— Кто это? — спросила я.

— Работа.

— Работа часто пишет тебе после десяти?

— В нашей сфере — да.

— Какая у работы романтическая настойчивость.

Он поднялся.

— Я приму душ.

— Валера.

Он остановился у двери.

— Что?

Я хотела спросить про сообщение. Про скрытый номер. Про то, почему он уходит с телефоном даже в ванную.

Но вдруг испугалась.

Не ответа.

Того, что ответа может не быть, а я всё равно останусь.

— Ничего, — сказала я.

Он ушёл.

Я осталась в гостиной, открыла фото платья и увеличила изображение.

На экране стояла женщина с открытыми плечами и чуть растерянным лицом.

Она выглядела почти смелой.

Почти счастливой.

Я очень хотела ей верить.

Глава 3. Ужин с будущими родственниками

Семейные ужины у Громовых проходили в доме, где даже салфетки выглядели так, будто окончили Смольный.

Валера вырос не в бедности, но и не в той роскоши, где люди называют яхты в честь собак. Его родители жили в большом загородном доме с колоннами, зимним садом и гостиной, в которой хотелось разговаривать вполголоса, чтобы не потревожить фарфор.

Фарфор там, кажется, был главным членом семьи.

— Только не спорь с мамой, — сказал Валера, когда мы подъезжали.

Я посмотрела на него.

— Прекрасное напутствие. Обычно говорят «будь собой», но у вас, видимо, семейный формат — «будь удобной».

— Ксюш, я серьёзно.

— Я тоже. Просто у меня серьёзность с мимикой.

Он притормозил у ворот.

— Мама переживает из-за свадьбы. Она хочет, чтобы всё прошло достойно.

— Папа тоже хочет. Такое ощущение, что я выхожу замуж за слово «достойно».

— Не начинай про платье.

— Я ещё даже не начала про платье.

— Вот и не надо.

Ворота открылись.

Я увидела дом, светящийся окнами, и поймала себя на мысли, что он похож на декорацию к сериалу про богатых людей, у которых все несчастны, но зато с хорошим ландшафтным дизайном.

Светлана Викторовна встретила нас в холле.

— Ксения, — сказала она с улыбкой, пережившей примерку. — Как хорошо, что вы приехали.

Она обняла Валеру, легко коснулась моей щеки, и повела нас в гостиную.

Отец Валеры, Илья Павлович, сидел у камина с бокалом коньяка. Он был похож на Валеру через двадцать пять лет, если добавить живот, усталость и привычку считать себя человеком, который «всё видел».

— А вот и молодые, — сказал он. — Ксения, рад.

— Взаимно.

— Валерий, ты опоздал на семь минут.

— Пробки.

— Пробки — это городское оправдание для плохого планирования.

Я почувствовала почти родственную симпатию. Не к нему. К его способности за пять секунд объяснить, откуда у Валеры любовь к контролю.

За столом нас было четверо.

Плюс невидимая пятая персона — ожидания.

Они сидели в каждом кресле, наливали себе вино и смотрели на меня с интересом.

Сначала говорили о свадьбе. Цветы, площадка, список гостей, рассадка. Светлана Викторовна ненавязчиво предложила «всё-таки подумать о более закрытом варианте платья», на что я ненавязчиво предложила «всё-таки подумать о более открытом варианте уважения к невесте». Валера наступил мне на ногу под столом.

Очень романтично. Почти танец.

— Ксения, — Илья Павлович отрезал кусок мяса, — вы после свадьбы планируете работать?

Вопрос прозвучал так, будто работа была милой привычкой, вроде сбора открыток.

— Да.

— В холдинге отца?

— Пока не решила.

Валера быстро посмотрел на меня.

Светлана Викторовна поставила бокал.

— Но ведь у вас прекрасное положение. Не каждой женщине нужно доказывать что-то миру.

— А если хочется?

— Что именно?

— Доказать.

Она улыбнулась.

— Зачем?

Вот это был вопрос века.

Зачем женщине с деньгами, квартирой, женихом и отцом, который может решить почти любую проблему, хотеть чего-то своего?

Непонятно.

Подозрительно.

Нужно срочно обследовать.

— Чтобы не просыпаться однажды с ощущением, что моя главная компетенция — удачно выйти замуж, — сказала я.

Илья Павлович хмыкнул.

— Острый язык.

— Это от нервов. В спокойном состоянии я вообще ангел.

— Надеюсь, Валерий справится.

— С ангелом?

— С языком.

Валера вмешался:

— Ксюша отлично разбирается в маркетинге. Она могла бы усилить несколько направлений.

Он сказал это так, будто представлял меня инвестору.

Я повернулась к нему.

— Несколько?

— Ну, если ты захочешь.

— А если не захочу?

— Ксюша.

Снова это имя-предупреждение.

Илья Павлович наблюдал за нами внимательно.

— В браке важно распределение ролей, — сказал он. — Мужчина строит, женщина удерживает.

— Что именно удерживает?

— Дом. Семью. Атмосферу.

— А если у женщины тоже есть руки и желание что-нибудь построить?

Светлана Викторовна тихо вздохнула.

— Сейчас модно всё усложнять.

— Нет, — сказала я. — Сейчас просто женщины начали читать мелкий шрифт.

За столом стало прохладнее.

Валера улыбнулся, но я знала эту улыбку. Он уже считал, как потом будет объяснять мне, что я «перегнула».

Илья Павлович отпил коньяк.

— Александр Сергеевич, говорят, после свадьбы передаёт тебе логистику? — спросил он Валеру.

Я замерла.

Валера тоже.

Светлана Викторовна бросила на мужа быстрый взгляд.

— Мы ещё обсуждаем, — сказал Валера.

— Обсуждаете? — Илья Павлович усмехнулся. — С такой партией надо не обсуждать, а брать, пока дают.

Партией.

Вот и всё.

Не невестой.

Не женщиной.

Партией.

Я положила вилку на тарелку.

— Интересно, — сказала я.

Валера тихо произнёс:

— Ксюша.

— Нет, правда. Я всё пытаюсь понять, на какой странице свадебного договора написано, что к невесте прилагается направление логистики.

Илья Павлович не смутился.

— Не будьте наивной. В вашем кругу браки всегда что-то укрепляют.

— Любовь, например?

Он посмотрел на меня так, будто я сказала что-то очаровательно глупое.

— Любовь укрепляет молодых людей в романтических романах. Семью укрепляют интересы.

Мне захотелось рассмеяться.

Не потому, что было смешно.

Просто организм иногда выбирает хохот, чтобы не выбрать крик.

— Папа, — Валера сказал это жёстче. — Достаточно.

Я посмотрела на него.

Он защищал меня?

Или сделку, которую отец слишком громко назвал сделкой?

Разница была тонкая, но я уже училась её замечать.

После ужина Светлана Викторовна показывала мне зимний сад.

Растения там стояли в огромных кадках, ухоженные, блестящие и, кажется, тоже немного боялись хозяйку.

— Вы не обижайтесь на Илью, — сказала она. — Он человек прямой.

— Я заметила. Прямота у него с функцией тарана.

— Он хочет для Валеры лучшего.

— А вы?

— Я тоже.

— А для меня?

Она остановилась у высокого фикуса.

— Для вас — стабильности.

Стабильность.

Женщины старшего поколения любили это слово. В нём было всё: муж, дом, правильная фигура, правильные дети, правильная тишина. Стабильность — это когда никто не спрашивает, счастлива ли ты, потому что внешне всё прилично.

— Вы боитесь, что я не подойду Валере? — спросила я.

Светлана Викторовна долго смотрела на меня.

— Я боюсь, что вы слишком эмоциональны.

— Это дипломатичный вариант?

— Вы умная девушка. Но ум иногда мешает женщине быть счастливой.

— Как неудобно. Гарантийный срок уже вышел.

Она не оценила.

— Валера амбициозен. Ему нужна жена, которая будет рядом, а не напротив.

Вот оно. Главное.

Рядом, но чуть позади.

В кадре, но не в фокусе.

Любимая, но не мешающая.

— А если рядом — это не обязательно сзади? — спросила я.

— В браке не должно быть соревнования.

— Тогда почему все так переживают, кто кому соответствует?

Она отвернулась к стеклянной стене.

— Вы можете стать для него хорошей опорой.

— Я не мебель.

— Ксения...

— Простите. Нервы. Интеллект. Открытые плечи. Сложный вечер.

Когда мы вернулись в гостиную, Валера стоял у окна и говорил по телефону.

Он не заметил меня сразу.

Голос был тише обычного.

— Нет, сегодня не могу... Я сказал, позже... Не пиши так часто.

Я остановилась.

Светлана Викторовна тоже услышала. По её лицу ничего не дрогнуло, но она быстро произнесла:

— Пойдёмте, я покажу вам сервиз, который достался мне от бабушки.

Сервиз.

Конечно.

Если в доме горит штора, всегда можно показать гостям чашки.

Валера обернулся.

— Ксюш.

— Работа?

Он убрал телефон.

— Да.

— У работы сегодня нервный вечер.

— У нас новый клиент из регионов. Разница во времени.

Объяснение было готово слишком быстро.

Я кивнула.

В машине на обратном пути молчание стало плотным.

— Ты была резкой, — сказал Валера.

— С твоим отцом?

— Со всеми.

— Я старалась распределять равномерно.

— Это не смешно.

— Я знаю. Но если не шутить, придётся признать, что ужин был репетицией моей будущей жизни в роли красивого приложения к твоей карьере.

Он ударил ладонью по рулю. Не сильно. Достаточно, чтобы я вздрогнула.

— Хватит.

Я замолчала.

Он сразу пожалел. Я увидела это по плечам.

— Прости, — сказал он. — Я устал.

— Все устали. Даже фарфор.

— Ксюша.

— Что?

— Ты же понимаешь, что я хочу нам хорошего будущего?

— Я пытаюсь понять, где в этом «нам» нахожусь я.

Он выдохнул.

— Ты моя невеста.

— Это статус, а не место.

Он не ответил.

Когда мы приехали, он поцеловал меня уже у двери квартиры.

Нежнее, чем обычно.

Может быть, хотел загладить.

Может быть, проверял, работает ли ещё.

Я ответила. Потому что тело иногда помнит привычку раньше, чем разум успевает включить достоинство.

Позже, когда Валера заснул, я взяла свой телефон.

Сообщений не было.

Я сама не знала, почему ждала.

Но засыпая, поймала себя на странной мысли: если кто-то чужой знает моего жениха лучше меня, возможно, проблема не в этом человеке.

Возможно, проблема в том, что я слишком долго соглашалась знать ровно столько, сколько мне разрешали.

Глава 4. Первый снимок

Анонимные сообщения обладают одной неприятной особенностью: даже если ты решишь им не верить, они всё равно начинают жить у тебя в голове на правах неоплачиваемого жилья.

Я три дня делала вид, что никакого сообщения не было.

Очень успешно, если не считать того, что проверяла телефон Валеры глазами каждый раз, когда он вибрировал. Руки я к нему не тянула. Гордость у меня была. Уставшая, потрёпанная, но была.

Валера вёл себя почти идеально.

Цветы во вторник.

Сообщение «как ты?» в обед.

Ужин дома в среду.

Если бы я не знала его, решила бы, что он заботливый.

Но я знала: Валера исправлял атмосферу так же, как исправлял презентацию — быстро, аккуратно, без лишних эмоций. В нашем доме снова становилось спокойно. Не тепло. Спокойно.

Это разные температуры.

В четверг мне позвонила свадебный организатор.

— Ксения, у нас маленькая сложность.

Люди, которые говорят «маленькая сложность», обычно уже стоят по колено в катастрофе и пытаются не расплескать шампанское.

— Насколько маленькая?

— Фотограф, которого выбрал Валерий, не сможет.

— Он умер?

— Что? Нет.

— Тогда сложность действительно маленькая.

На том конце помолчали.

— Он улетает на съёмку в Италию.

— Завидую. Продолжайте.

— Валерий предложил другого специалиста. Очень хороший, работает с деловыми мероприятиями.

— Со свадьбами?

— Не совсем.

— То есть он умеет красиво снимать людей, которые подписывают контракты?

— Ну...

— Прекрасно. Как раз наша концепция.

Организатор нервно засмеялась.

Я согласилась встретиться с фотографом в кафе. Просто чтобы не превращать каждый вопрос в битву. Из-за фотографа я решила не спорить. Сил на очередную ссору уже не было.

Кафе было в центре, с большими окнами и столиками, за которыми сидели люди с ноутбуками и выражениями лиц «я занят важным, но мне нужен круассан».

Фотограф опаздывал.

Я заказала кофе и открыла почту.

Через десять минут пришло сообщение.

С неизвестного номера.

Без приветствия.

«Спроси его про ресторан на Петровке».

Я смотрела на экран так долго, что кофе успел стать просто коричневым укором.
Ресторан на Петровке.

Я набрала Валеру.

Он ответил не сразу.

— Да, Ксюш?

— Ты занят?

— На встрече. Что-то срочное?

Фон был тихий. Слишком тихий для встречи.

— Нет. Просто хотела спросить, где ты сегодня обедаешь.

Пауза.

— В офисе.

— Точно?

— Что значит «точно»?

— Значит, офис. Поняла.

— Ксюша, что происходит?

— Ничего. У меня встреча с фотографом. Он опаздывает, и я решила разнообразить жизнь допросом.

— Не накручивай себя.

Интересно, как он понял, что я себя накручиваю, если я ещё даже не успела разогнаться?

— Я просто спросила.

— Я в офисе.

— Хорошо.

Я отключилась.

Пять минут сидела неподвижно.

Потом открыла карту.

До Петровки было двенадцать минут пешком.

Я не собиралась идти.

Разумеется, нет.

Женщины в здоровых отношениях не бегают по городу за анонимными сообщениями.

Я допила кофе.

Положила деньги на стол.

И пошла.

По дороге убеждала себя, что всего лишь проверяю странное сообщение. Но чем ближе подходила к ресторану, тем меньше верила собственным оправданиям.

Ресторан на Петровке был дорогой, но без демонстративной роскоши. Место для людей, которые не фотографируют еду, потому что еда и так знает себе цену.

Я остановилась через дорогу.

И сразу увидела Валеру.

Он сидел у окна.

Не один.

Напротив него была женщина.

Блондинка. Короткие гладкие волосы, красная помада, чёрный жакет. Она смеялась, чуть наклонив голову. Валера улыбался ей так, как в последнее время редко улыбался мне: расслабленно, легко, без необходимости соответствовать.

Я не могла слышать разговор.

И в этом была особая жестокость. Мозг сам дорисовывал реплики, а воображение у меня всегда было с бюджетом.

Женщина протянула руку и поправила ему галстук.

Жест был коротким.

Почти деловым.

Почти.

Вот это «почти» однажды меня добьёт.

Я сделала фото.

Не знаю зачем.

Наверное, чтобы потом не убедить себя, что ничего не было. У меня талант к самообману, но я люблю работать с доказательной базой.

В этот момент телефон завибрировал.

Сообщение от свадебного организатора:

«Фотограф приехал. Вы где?»

Я посмотрела на ресторан.

На Валеру.

На женщину.

И написала:

«Задерживаюсь. Решаю визуальный стиль будущей жизни».

Организатор ответила смайликом.

Люди слишком часто ставят смайлики в местах, где нужны носилки.

Я не стала заходить.

Гордость сказала: «Не устраивай сцену».

Страх добавил: «А вдруг он всё объяснит, и тебе придётся признать, что ты подозрительная истеричка».

Самоуважение, которое обычно опаздывало на совещания, неожиданно шепнуло: «А вдруг объяснение будет хуже?»

Я ушла.

Вечером Валера приехал с букетом.

Не с большим. С правильным. Белые пионы, эвкалипт, ленточка в тон упаковке. Цветы, которые говорят: «Я эстетически виноват, но юридически чист».

— Сюрприз, — сказал он.

Я взяла букет.

— Спасибо. А повод?

— Просто захотелось.

— Трогательно. У тебя сегодня день спонтанности?

— Можно и так сказать.

Он снял пиджак.

На нём был тот самый галстук.

Я смотрела на узел, который днём поправляла чужая рука.

— Как встреча? — спросила я.

— Какая?

— Рабочая.

— Нормально.

— В офисе?

Он замер на секунду.

Секунда — это мало.

Но достаточно, чтобы внутри всё стало ледяным.

— Да.

Я поставила цветы на стол.

— Интересно.

— Что именно?

— Просто слово красивое.

Он подошёл ближе.

— Ксюш, у тебя странное настроение.

— У меня? Нет. Я сегодня почти образец эмоциональной стабильности. Если присмотреться издалека и выключить звук.

— Ты опять начинаешь.

— А ты опять заканчиваешь разговор до того, как он начался.

Он устало потер переносицу.

— Я правда был в офисе.

Вот теперь он сам сказал.

Я достала телефон.

Открыла фото.

Положила экраном вверх на стол.

Валера посмотрел.

Его лицо не изменилось.

И это было хуже всего.

Он не испугался.

Он раздражённо выдохнул.

— Ты следила за мной?

Не «это не то, что ты думаешь».

Не «я объясню».

Не «прости».

Ты следила.

Красота мужской логики: если тебя поймали с рукой в чужой сумке, главное — возмутиться качеством видеонаблюдения.

— Мне написали.

— Кто?

— Не знаю.

— И ты побежала проверять? Ксюша, тебе самой не смешно?

— Пока нет. Но вечер молодой.

Он взял телефон, увеличил фото, бросил обратно на стол.

— Это Карина. PR-консультант. Мы обсуждали проект.

Карина.

Имя оказалось острым.

— В офисе?

— В ресторане. Да, я соврал. Потому что знал, что ты начнёшь.

— Я начну?

— Вот это. Подозрения, допросы, сарказм.

— Сарказм хотя бы честный.

— Не драматизируй.

Я рассмеялась.

— Обожаю. Мужчина врёт, женщина драматизирует. Где-то есть методичка, да?

— Ты делаешь из обеда катастрофу.

— Обед не проблема. Ложь — проблема.

Он посмотрел на меня с тем выражением, от которого я всегда чувствовала себя младше, глупее и шире.

— Я не обязан отчитываться за каждую рабочую встречу.

— Конечно. Особенно за те, где тебе поправляют галстук.

— Она просто...

— Что?

— Ксюша, это смешно.

— Тогда смейся.

Он не засмеялся.

Несколько секунд мы стояли друг напротив друга.

Я вдруг поняла, что хочу не правды даже.

Я хочу, чтобы он испугался меня потерять.

Не репутацию. Не доступ к отцу. Не будущую должность.

Меня.

Но Валера выглядел так, будто я испортила ему удобный вечер.

— До свадьбы месяц, — сказал он. — Давай не будем разрушать всё из-за твоей неуверенности.

Вот оно.

Неуверенность.

Универсальный контейнер для любой женской интуиции.

— Моей?

— Да. Твоей.

Он подошёл ближе, взял меня за плечи.

— Я с тобой. Я женюсь на тебе. Что ещё тебе нужно?

Любовь, хотела сказать я.

Желание.

Честность.

Чтобы ты смотрел на меня так, как сегодня смотрел на Карину.

Но вслух сказала:

— Не ври мне.

Он отпустил плечи.

— Хорошо.

Просто.

Слишком просто.

Ночью я долго не спала.

Валера лежал рядом, ровно дышал и, кажется, был совершенно спокоен.

Я открыла фото снова.

Карина смеялась.

Валера улыбался.

Моя рука дрожала.

Потом пришло новое сообщение с неизвестного номера.

«Это только обед. Пока.»

Я смотрела на эти слова до тех пор, пока экран не погас.

И впервые подумала: возможно, кто-то не разрушает мою свадьбу.

Возможно, кто-то просто открывает окна в комнате, где давно нечем дышать.

Глава 5. Карина Афанасьева

Карина Афанасьева появилась в моей жизни не как любовница.

Это было бы слишком просто.

Она появилась как женщина, которую невозможно было проигнорировать.

Через два дня после обеда на Петровке отец устраивал закрытый приём для партнёров холдинга. Формально — в честь завершения сделки. Фактически — чтобы люди с деньгами посмотрели друг на друга, сказали «надо встретиться» и разошлись, зная, что не встретятся никогда.

Я не хотела идти.

Но отец сказал:

— Тебе нужно присутствовать.

У моего отца была особая манера просить: без вопросительного знака.

Валера обрадовался приёму больше, чем я.

— Там будут люди из совета? — спросил он.

— Вероятно.

— И Платонов?

— Юрист? Да.

— Хорошо.

— Валера, ты на приём со мной идёшь или на охоту?

Он застегнул часы.

— В нашем кругу это часто одно и то же.

Я хотела пошутить.

Но не смогла.

Иногда правда портит юмор своей наглостью.

Приём проходил в зале с высокими окнами, живой музыкой и официантами с подносами.

Гости улыбались, переговаривались вполголоса и незаметно оценивали друг друга.

Отец был в своей стихии.

Он двигался по залу спокойно, почти медленно, но вокруг него всё время менялась конфигурация людей. Одни подходили, другие уходили, кто-то ждал момента. Отец не был самым громким мужчиной в комнате.

Он просто был причиной, по которой остальные говорили тише.

— Ксения, — сказал он, когда мы подошли. — Валерий.

Валера сразу выпрямился.

— Александр Сергеевич.

Они обменялись несколькими фразами о сделке. Я стояла рядом и думала, что если бы меня сейчас заменить на дорогую вазу, заметили бы не сразу. Разве что ваза не закатывала бы глаза.

— Ксюша, — сказал отец, — я хочу познакомить тебя с людьми из коммуникационного блока.

— Звучит как угроза.

— Это бизнес.

— Я почти угадала.

Отец проигнорировал.

Он подвёл нас к группе у окна. Там стояли двое мужчин и женщина.

Её я узнала сразу.

Карина.

В ресторане она была в чёрном жакете. Сейчас — в тёмно-зелёном платье, простом, дорогом и безупречно сидящем. Светлые волосы гладко убраны назад. Красная помада. Спокойные глаза.

Она повернулась ко мне и улыбнулась.

Не виновато.

Не дерзко.

Просто так, будто мы встретились впервые.

— Карина Афанасьева, — представил отец. — Консультирует несколько наших проектов по репутационным стратегиям.

Репутационным.

Какое красивое слово для женщины, которая поправляет моему жениху галстук в ресторане.

— Ксения Воронцова, — сказала она, протягивая руку. — Очень рада.

Рука у неё была прохладная. Пожатие уверенное.

— Взаимно, — ответила я.

Это была ложь. Но светская.

Валера позади меня стал слишком тихим.

Карина перевела на него взгляд.

— Валерий.

— Карина.

Между ними пролетело что-то короткое.

Не страсть.

Понимание.

Люди, у которых есть общая тайна, не обязательно переглядываются долго. Иногда им достаточно одной секунды, чтобы комната стала теснее.

Отец начал обсуждать с мужчинами какую-то коммуникационную стратегию. Валера включился почти сразу. Я осталась рядом с Мариной.

— Слышала, у вас скоро свадьба, — сказала она.

— Говорят.

— Не любите подготовку?

— Люблю. Особенно когда все вокруг объясняют мне, как должна выглядеть моя радость.

Она улыбнулась чуть шире.

— Понимаю.

— Правда?

— Я работаю с репутацией. Это почти то же самое. Люди очень любят объяснять, какой должна быть чужая картинка.

Ответ был неожиданно точным.

Я посмотрела на неё внимательнее.

Она не была похожа на глупую интриганку из дешёвой мелодрамы. И это раздражало. С глупыми интриганками удобно: их можно ненавидеть без нюансов.

— Вы давно работаете с холдингом? — спросила я.

— Несколько месяцев.

— С Валерой тоже?

Пауза была почти незаметной.

— По отдельным проектам.

— В ресторанах?

Она не изменилась в лице.

Вот совсем.

Профессионал.

— Иногда рабочие разговоры удобнее проводить вне офиса.

— Особенно если нужно поправить галстук.

Теперь она посмотрела прямо.

И я увидела: она поняла, что я знаю.

Не испугалась.

Просто пересчитала риски.

— Вы видели нас, — сказала она.

— У меня развито зрение. Наконец-то пригодилось.

— Тогда вы знаете, что это была встреча.

— Я знаю, что это был ресторан. Остальное пока в стадии жанрового определения.

Карина взяла бокал с подноса.

— Валера очень амбициозен.

— Спасибо, я заметила. Иногда мне кажется, он делает карьеру даже во сне.

— Такие мужчины редко бывают простыми.

— А такие женщины, как вы, часто дают советы невестам?

Она чуть склонила голову.

— Только если невесты уже сами всё понимают.

Вот тут стало холодно.

— Что именно я понимаю?

— Что Валерий хочет многого.

— А вы?

— Я тоже.

Честно.

Так честно, что я на секунду растерялась.

— И что вы хотите?

Карина посмотрела туда, где Валера смеялся над шуткой одного из партнёров отца. Смеялся легко, уверенно, обаятельно. Мой будущий муж в среде естественного обитания.

— Место за столом, — сказала она.

— За моим?

— За своим.

Я усмехнулась.

— Красиво звучит. Почти не угрожающе.

— Я не угрожаю вам, Ксения.

— Тогда что делаете?

— Предупреждаю.

Музыка в зале сменилась. Кто-то рядом рассмеялся. Официант прошёл мимо с шампанским. Мир продолжал быть приличным, пока между нами стояла фраза, от которой хотелось снять туфли и бежать.

— О чём?

Карина сделала глоток.

— О том, что мужчины вроде Валеры не выбирают женщину. Они выбирают траекторию.

Я могла ответить колко.

Очень хотела.

Например: «А женщины вроде вас продают навигаторы?»

Но не ответила.

Потому что фраза попала слишком точно.

К нам подошёл Валера.

— Вот вы где, — сказал он.

Он улыбался, но глаза были напряжены.

— Мы знакомимся, — сказала Карина.

— Прекрасно, — ответил он.

Не прекрасно.

Совсем не прекрасно.

Он взял меня под локоть.

— Ксюш, Александр Сергеевич хочет тебя видеть.

— Конечно. Главный акционер вызывает декоративный актив.

— Не сейчас, — тихо сказал он.

Я повернулась к Карине.

— Рада знакомству.

— Я тоже, — сказала она.

И добавила почти неслышно:

— Правда.

Отец стоял у другого конца зала. Но когда мы подошли, он не выглядел так, будто звал меня.

— Ты хотел меня видеть? — спросила я.

Отец перевёл взгляд с меня на Валеру.

— Нет.

Прекрасно.

Валера даже не моргнул.

— Значит, я неправильно понял Платонова, — сказал он.

Платонова рядом не было.

Ложь стала настолько очевидной, что почти устала притворяться.

Отец посмотрел на меня.

— Всё в порядке?

— На приёмах у тебя никогда не бывает «в порядке». Бывает «дорого» и «пока без скандала».

— Второе предпочтительнее.

Валера улыбнулся.

— Ксения сегодня в ударе.

— Ксения сегодня наблюдает, — сказала я.

Отец снова посмотрел на Валеру.

И вот тогда я впервые заметила: он не просто оценивает его.

Он проверяет.

Весь вечер после этого Валера почти не отходил от меня. Держал за руку, представлял людям, говорил «моя невеста» чаще, чем обычно.

Снаружи это выглядело мило.

Изнутри — как контроль доступа.

Карина больше не подходила.

Но я чувствовала её присутствие в зале. Иногда ловила взгляд. Не насмешливый. Не победный.

Скорее любопытный.

Будто она ждала, когда я наконец прочитаю условия договора, который подписала сердцем.

Поздно вечером, уже дома, я сняла серьги и долго смотрела на себя в зеркало.

Валера вышел из ванной с полотенцем на плечах.

— Ты странно себя вела, — сказал он.

— Это уже семейный диагноз?

— Карина сказала тебе что-то?

Вот оно.

Не «о чём вы говорили».

Не «ты расстроена».

«Карина сказала».

— А должна была?

— Ксюша.

— Валера.

Он подошёл ближе.

— Она сложный человек.

— В отличие от тебя?

— Я серьёзно. Не слушай всё, что она говорит.

— А что именно она может сказать?

Он замолчал.

Мне стало не страшно.

Страх был раньше.

Сейчас пришло что-то другое. Холодное, внимательное. Я вдруг начала вспоминать подробности, на которые раньше закрывала глаза.

— Между вами что-то было? — спросила я.

Он посмотрел на меня.

И улыбнулся.

Не тепло. Снисходительно.

— Ты правда хочешь испортить вечер?

— А он был хорошим?

— Для меня — да.

— Тогда расскажи, что между вами.

Он вздохнул.

— Ничего, что имело бы значение.

Фраза потрясающая.

В ней одновременно есть признание, отрицание и предложение женщине самой выбрать, от чего ей больнее.

— То есть что-то было.

— Не начинай.

— Я задаю вопрос.

— Ты устраиваешь сцену.

— Сцены выглядят иначе. Там обычно больше движения и меньше шёлкового халата.

Он провёл рукой по лицу.

— Карина пыталась сблизиться. Я дал понять, что у меня есть ты.

Я молчала.

— Довольна?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты сказал «у меня есть ты» так, будто я вещь, которой удобно отмахнуться.

— Боже, Ксюша.

Он отошёл к окну.

— С тобой в последнее время невозможно.

— Возможно, — сказала я. — Просто уже не так удобно.

Он обернулся.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Потом он сказал:

— До свадьбы месяц. Давай не будем искать проблемы там, где их нет.
Я подумала о Карине.
О её спокойных глазах.
О фразе: «Они выбирают траекторию».
И впервые за долгое время не стала спорить.
— Хорошо, — сказала я.
Валера расслабился.
Он решил, что победил.
А я просто поняла: некоторые разговоры бессмысленно вести без доказательств.
Ночью, когда он уснул, мне пришло новое сообщение.
На этот раз без текста.
Только фото.
Нечёткое, снятое издалека.
Валера и Карина у служебного выхода после приёма.
Она стоит слишком близко.
Его рука лежит на её талии.
Не случайно.
Не по-деловому.
Под фото было написано:
«Он сказал ей, что свадьба ничего не меняет».
Я сидела в темноте, держа телефон обеими руками.
Рядом спал мой жених.
Через месяц я должна была сказать ему «да».
И вдруг поняла: самый страшный вопрос теперь не «изменяет ли он».
Самый страшный вопрос — почему я всё ещё надеюсь, что нет.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.